

Приношение Касьяну Голейзовскому

Москва, апрель 1994 — 1992 — 1940 гг.

Что рукописи книг не горят, это мы худо-бедно благодарь булгаковскому афоризму усвоили. Но вот два вечера — 5 марта в Большом театре и 9 марта в Концертном зале имени П. И. Чайковского — мы были свидетелями, что «не горят», то есть не исчезают бесследно и такие эфемерные создания, как произведения хореографические, авторские создания балетмейстера. Оба вечера, посвященные 100-летию со дня рождения выдающегося русского хореографа Касьяна Ярославича Голейзовского, были приношением, торжественным даром памяти мастера и подарком зрителям — бережно восстановленных его работ.

Обратим внимание на такое вот обстоятельство: Голейзовский — из того же поколения, что Хлебников и Ахматова, Булгаков и Мандельштам, Пастернак, Цветаева и Маяковский. Творцы нового искусства, по-новому говорящего о человеческой душе. Те же корни, та же культура, тот же универсализм и тот же интерес к самым разным явлениям и стремление объять их

все в своем творчестве — от библейских сюжетов и восточных мотивов до мифов Эллады и масок венецианского карнавала. А если ведомо и «внятно» художнику все — возносящая к небесам высокая лирика и танец народный, буффонада кабаре и обращенный к детям мягкий юмор, все стили танца, все его формы, тогда и является шедевр — «Половецкие пляски». Да если бы ничего другого балетмейстер не создал, а только бы воскресил во плоти танца племя, упоминание о котором осталось в «Слове о полку Игореве» да в исторических трудах, одно это прославило бы его имя.

Но мастер познал и годы вынужденного молчания, и работу вполсилы, и долгую разлуку с Большим театром. Путь Голейзовского — путь любого художника, идущего против течения. Но, помимо борений, неизбежно сопровождающих жизнь в искусстве любого новатора, хореографу (как, впрочем, и многим осознающим самостоятельность своих поисков художникам) пришлось вести неравную борьбу с установлениями времени и го-

сударства. Разве мог сталинский амфир с его закостенелостью и омертвевшей застылостью форм мириться с существованием рядом, вместе с собой причудливо-изменчивого, взрывчатого стиля, живой, льющейся свободно речи? Речи, без слащавости и лакировки повествующей, что есть в мире истинная красота, гармония души и тела и героические порывы, романтическая любовь и тайны человеческого сердца, и, говоря словами самого мастера, «хохот, дерзкие вопросы»...

Смотришь хореографические миниатюры, показанные на двух мартовских вечерах, и думаешь: какая современная, ничуть не устаревшая балетная лексика, какое богатство пластических нюансов, тонов, переходов, какой благодатный музыкальный (невозможно перечислить всех композиторов, вдохновлявших Голейзовского на создание маленьких шедевров) и хореографический материал для исполнителей. Хотелось бы назвать всех вдохнувших жизнь в балетные фантазии мастера; но, увы, лишь несколько имен: Н. Бессмертнова,

А. Михальченко, И. Лиера, Ю. Малхасянц, Ю. Васюченко, В. Анисимов, Э. Смирнов...

Два вечера, подготовленные под эгидой благотворительного фонда «Русский балет», Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Большого театра, Московской государственной филармонии, включают многогранное творчество К. Голейзовского в общий процесс возвращения, который продолжается в отечественной культуре. Москва, похоже, вновь становится балетной Меккой. И среди множества людей, причастных к благородной мартовской акции, с благодарностью назovem Веру Петровну Васильеву, жену Голейзовского, самоотверженного хранителя его наследия, восстановившую многие номера юбилейных программ.

И пометка на будущее: восстановления ждут не только показанные, но и другие работы хореографа, его неизданным книгам также настала пора прийти к читателю.

Т. СЕРГЕЕВА.